

Томашъ Гарригъ Масарикъ и русская интеллигенція

Въ своей скромной рѣчи объ этомъ большомъ человѣкѣ, о вождѣ не только народа чешскаго, но и объ одномъ изъ вождей новой Европы, мнѣ хотѣлось бы отмѣтить нѣкоторыя черты, близко касающіяся насъ, русскихъ интеллигентовъ. Въ послѣднемъ номерѣ журнала «Соціальная Помощь» г. Куденгофъ-Калерги справедливо говоритъ, что для своего народа Масарикъ является не только политическимъ вождемъ, -- онъ является живымъ идеаломъ, почти пророкомъ. Несмотря на высокія духовныя дарованія, основы его личности -- въ этикѣ. Вотъ почему образъ этотъ близокъ и дорогъ и русской интеллигенціи. Масарикъ никогда не былъ политикомъ сегодняшняго дня. Онъ всегда ставилъ передъ собою «далекія» соціально-этическія задачи и идеалы. Все существо его проникнуто тѣмъ же благороднымъ идеализмомъ, которымъ жили и дышали лучшіе представители русской интеллигенціи, ея духовные вожди.

Но если это такъ, если много общаго въ обликѣ и стремленіяхъ Масарика и представителей русскаго соціально-этическаго идеализма, то чѣмъ же объяснить столь поразительную разницу въ судьбахъ двухъ родственныхъ народовъ, только что пережившихъ одинаковыя событія -- великую войну и внутреннія революціи? Есть, очевидно, рядомъ съ этой общностью и глубокія различія. Въ чемъ же состоятъ эти различія?

Прежде всего -- въ обстановкѣ. Какъ ни тяжело было положеніе чешскаго народа подъ австрійскимъ владычествомъ, все же борьба его происходила въ конституціонной Европѣ, гдѣ пріобрѣталь онъ навыки самоуправленія и

*) Рѣчь на торжественномъ засѣданіи Пражскаго Земора въ честь 80-ти лѣтъ Президента Чехословацкой Республики 7-го марта 1930 года

учился европейскимъ формамъ борьбы. Мы жили въ царистской Россіи среди народа, совсѣмъ недавно освобожденнаго отъ крѣпостного права и еще не забывшаго его. Это разница почти что рѣшающая... А кромѣ того лишь верхній и очень небольшой слой русской интеллигенціи поднялся на ту духовную высоту, которая была необходима для пониманія грандіозныхъ событій, связанныхъ съ войной и революціей. Масса же интеллигенціи была недостаточно воспитана опытомъ жизни. Она легко перенимала идѣи, выросшія на западно-европейской почвѣ - въ частности и ученіе Маркса, — но не могла критически отнестись къ нимъ и ясно осознать, примѣнимы ли онѣ на русской почвѣ. И вотъ теперь, когда мы укрылись послѣ русскаго кораблекрушенія въ новой республикѣ, руководимой мыслителемъ Масарикомъ, мы съ особой отчетливостью вспоминаемъ его пророческія предсказанія и сужденія по русскому вопросу. Теперь эти сужденія приобрѣтаютъ для насъ тѣмъ большую цѣнность, что многія его сужденія высказывались задолго до русской катастрофы. Напомнимъ о нихъ въ этотъ день, когда мы чувствуемъ 80-лѣтіе не только вождя чешскаго народа, но и европейца, принимавшаго глубоко къ сердцу и нашъ, русскій вопросъ.

Широкіе круги русской интеллигенціи съ идеями Т. Масарика столкнулись впервые въ 1900 г. Это былъ періодъ самой ожесточенной борьбы основныхъ теченій русской общественной мысли и канунъ первой русской революціи. Три теченія боролись за первенство въ господствѣ надъ умами: либералы-конституціоналисты, народники и марксисты. Первое теченіе для всякаго внимательнаго наблюдателя было заранѣе обречено на неуспѣхъ: вліяніе на народныя массы имѣли тогда и могли имѣть лишь идеи, окрашенныя въ яркій социальный, вѣрнѣе, социалистическій оттѣнокъ. Вѣдь рѣчь шла — исторически — о такой грандіозной реформѣ, какъ передача помѣщичьей земли крестьянамъ и о такомъ измѣненіи правового и экономического положенія рабочихъ, — т. е. о такихъ реформахъ всего строя, которыя не могли быть произведены безъ сильнаго давленія самихъ массъ на правительство и имущіе классы. И именно среди социалистическихъ партій находили массы своихъ вождей. Въ это время не только напряженіе въ борьбѣ, но и напряженность атмосферы всей русской жизни были столь велики, что оба со-

ціалістическихъ фланга — народники и марксисты — все болѣе и болѣе оказывались во власти одной навязчивой идеи: только въ революціи спасеніе. Только революція выведетъ Россію изъ историческаго тупика... Къ этому одностороннему, фанатическому убѣжденію въ первую же революцію присоединилось понятіе: перманентная революція. Это было не пустое слово: и въ самомъ освободительномъ движеніи все болѣе и болѣе брали верхъ профессиональные революціонеры. Всѣ элементы, мало мальски осторожные, понимающіе не только силу, но и опасности революціи въ странѣ, вѣками державшей массы въ рабской покорности и некультурности, --- отодвигались въ сторону: они были непопулярны. Наибольшія вѣсы въ глазахъ массъ пріобрѣтали люди, не брезговавшіе демагогіей, какъ орудіемъ господства надъ дѣтски-наивной душой этихъ народныхъ массъ.

Какъ разъ въ это время и раздался чешскій, для тогдашняго времени пророческій голосъ чешскаго профессора и писателя, Т. Г. Масарика: въ 1900 г. въ издательствѣ Солдатенкова вышелъ русскій переводъ его замѣчательной книги -- «Философскія и соціологическія основы марксизма». Въ этой книгѣ, полной глубокихъ критическихъ возраженій на основы ученія Маркса и Энгельса, оказавшихъ столь сильное вліяніе не только на воспримчивые русскіе умы, но и на общественную мысль Запада, Масарикъ въ упоръ ставитъ самые жгучіе вопросы дѣйствительной соціальной политики: «Революція или реформа?» «Осуществимъ ли коммунизмъ Маркса?»

Всѣ участники тогдашняго движенія хорошо помнятъ, въ какую ярость приводили отвѣты на эти вопросы чешскаго профессора (какъ и теорія или «поправки къ Марксу» Эдуарда Бернштейна) -- ортодоксальныхъ русскихъ марксистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было тогда, въ канунъ первой русской революціи, принять вотъ эту основу Масарикиной соціальной политики: «Я противъ революціонизма, ибо я твердо вѣрю, что прогрессъ общества является результатомъ лишь планомѣрной и длительной работы. Реформація, но не революція движетъ прогрессомъ. Безъ дѣйствительнаго преображенія сердца, умовъ, общественной мысли и нравовъ, мы можемъ, конечно, устранить чорта реакціи, но мѣсто его тотчасъ же займетъ вельзевулъ»... «Коммунизмъ. Онъ неосущест-

вимъ. Въдь и самъ Марксъ мыслилъ свой коммунизмъ лишь какъ окончательную стадію длительного пути. Нормальное политическое и социальное состояніе общества невозможно осуществить безъ свободной инициативы отдѣльныхъ личностей».

И далѣе:

«Революція формъ управленія требуетъ также и революціи духа».

Смысль и силу этихъ идей русская интеллигенція въ массѣ своей постигаетъ лишь теперь, послѣ трагическаго финала ряда русскихъ революцій... Но значить ли это, что возрѣнія Масарика исключали революцію, какъ методъ дѣйствій, иногда необходимый народу, чтобы устранить «чорта реакціи»? «Этически, пишетъ онъ, нельзя отвергать революцію: иногда она неизбѣжна. Уже католическіе и протестантскіе богословы защищали тиранубійство, а не только революцію. Въ новое время выдающіеся мыслители защищаютъ революцію... Но революція можетъ быть только средствомъ, а не цѣлью... До сихъ поръ общество строилось больше на смерти, чѣмъ на жизни; мы еще не умѣемъ жить, жить полно, позитивно; мы слишкомъ часто поддерживаемъ свою жизнь чужой смертью; постоянно уничтожаемъ свою и чужую жизнь... Мы любимъ возбуждаться, но не хотимъ работать: намъ правится спортъ, спортъ возбуждающій; точно также и революція».

Масарикъ -- не человекъ «золотой середины», всегда сторонящійся отъ примѣненія крайнихъ средствъ. «Не золотая середина, говоритъ онъ, не золотой средній путь, а ясная цѣль и сознательное, неутомимое ся достиженіе». Онъ хорошо понимаетъ, что практической политикѣ долженъ иногда сознательно принять революціонный путь. Но принимая его, онъ ни на минуту не долженъ забывать его неисчислимыхъ опасностей. Рѣшаясь на революціонное возстаніе противъ Австро-Венгріи, Масарикъ «въ глубинѣ души» ставитъ тревожные вопросы: «готовы ли мы къ дѣйствіямъ, созрѣли ли мы для свободы, для самоуправления и сохраненія самостоятельнаго государства, состоящаго изъ чешскихъ земель, Словакіи и многихъ національныхъ меньшинствъ? Достаточно ли у насъ настолько политически-зрѣлыхъ людей, которые поняли бы дѣйствительный смыслъ войны и задачу народа въ ней? Сумѣемъ ли мы на самомъ дѣлѣ дѣйствовать, -- снова дѣйствовать? Загладимъ ли навсегда Бѣлую гору? Пре-

одолѣемъ ли въ себѣ Австрію и ея столѣтнее воспитаніе?»

Но сомнѣнія опытнаго политика тотчасъ же парализуются вѣрой въ народъ свой: «Вѣрю и я, Господи, что пронесется вихрь гнѣва Твоего и вернется къ Тебѣ, о народъ чешскій, право и мощь Твоя».

Какой величавый обликъ духовнаго вождя встаетъ передъ нами и въ этихъ сомнѣніяхъ, и въ этой вѣрѣ... И совершилось историческое дѣло: народъ чешскій оказался зрѣлымъ для свободы, въ немъ нашлось достаточно политически зрѣлыхъ людей для государственнаго самоуправленія, Австрія была преодолѣна и зданіе новой европейской республики увѣнчалось: мѣсто ея президента занялъ достойнѣйшій изъ вождей, — философъ, ученый, социальный реформаторъ...

А въ это время тамъ, на Востокѣ, въ мучительныхъ судорогахъ перманентной революціи, ищеть выхода великій народъ русскій...

Онъ, народъ русскій, оказался неготовымъ для свободы. И не нашлось у него достаточнаго числа политически зрѣлыхъ людей, чтобы не превратить политическую революцію въ разрушеніе страны. Интеллигенція русская — въ лицѣ ея духовно развитаго и политически воспитаннаго слоя — оказалась побѣжденной дикой народной стихіей. И возглавили эту стихію профессиональные революціонеры, уже болѣе десятилѣтія насаждающіе въ Россіи большевизмъ.

Масарикъ не думаетъ, однако, что большевики — послѣдователи Маркса. Онъ это отрицаетъ: «Большевизмъ, пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, соотвѣтствуетъ гораздо болѣе Бакунину, чѣмъ Марксу. Что касается Маркса, то большевизмъ слѣдуетъ за нимъ въ его первой революціонной эпохѣ — 1848 г., въ то время, когда социализмъ Маркса еще не былъ разработанъ. На Бакунина большевики могли-бы ссылаться изъ-за своего безспорнаго іезуитизма и макіавелизма. Къ нимъ они дошли черезъ заговорщицкую тайну, къ которой они привыкли, изъ-за стремленія къ власти и диктатурѣ. Добиться власти и удержать ее въ своихъ рукахъ стало ихъ главной цѣлью. Большевики мало знали Россію. Царизмъ принуждалъ ихъ жить за границей и они отъ Россіи отвыкли».

Самъ Масарикъ всегда зорко слѣдилъ за русскими дѣлами, идеями и движеніемъ. Естественно, что привлекла его вниманіе и русская трагедія. Онъ хорошо понялъ при-

чину болѣзни русской интеллигенціи и со всей присущей ему яркостью опредѣлилъ ее еще въ 1906 г. послѣ неудачъ первой русской революціи: «Кто внимательно слѣдилъ за русскими дѣлами, писалъ онъ тогда, тотъ очень хорошо можетъ видѣть непропорціональность и политическихъ идеаловъ со степенью подготовки къ управленію».

Какъ видимъ, съ изумительной точностью поставилъ Масарикъ діагнозъ болѣзни русской интеллигенціи. Именно это: непропорціональность политическихъ идеаловъ со степенью подготовки къ управленію, не только, конечно, ея самой, но и всего народа. Въ этомъ — суть многихъ проваловъ и медленности русскаго политическаго развитія.

Въ тѣ годы вопросъ русскій вообще сильно волновалъ Масарика. Онъ пишетъ книгу: «Этюды по русскому вопросу. Борьба Достоевскаго съ русскимъ нигилизмомъ»*) Въ письмѣ къ Комитету русской партіи «Свободомыслящихъ» (1906 г.) онъ объясняетъ происхождение этого труда: «Война на востокъ (русско-японская) задѣла меня за живое. Вѣдь Россія для меня — большая часть жизни! Война и революція — ужаснѣйшій урокъ! Я истерзался, думая и передумывая русскіе вопросы. Чтобы облегчить себѣ эти муки, я и взялся за критику Достоевскаго. Излагая Достоевскаго, я долженъ дать себѣ отчетъ о «русскомъ вопросѣ», — религіозномъ вопросѣ по преимуществу». И онъ пишетъ работы о Россіи, «этой землѣ радикальнаго анархизма, нигилизма и нигилистическаго терроризма».

Великая война и новая страшная революція 1917 г. еще по новому освѣтила для Масарика русскій вопросъ. Разгадку потрясеній онъ хочетъ найти отчасти и въ характерѣ русскихъ вождей. Зимой 1918 г., уже послѣ октябрьской революціи, онъ ищетъ въ Петроградѣ и Москвѣ этихъ вождей русскихъ политическихъ партій. Онъ долго говоритъ съ П. Н. Милюковымъ, Струве. Возобновляетъ отношенія съ покойнымъ Плехановымъ. Разыскиваетъ Максима Горькаго. Знакомится съ социалистами-революціонера-

*) Удивительно, какъ русская царская цензура пропустила книгу Масарика о марксизмѣ. Его «Этюды по русскому вопросу» и известная его книга «Самоубійствѣ» русской цензурой не были пропущены.

ми и съ редакторами ихъ главнѣйшихъ газетъ, тогда еще не закрытыхъ. Узнаетъ также, что въ Россіи — Савинковъ. Онъ читалъ его «Коня Блѣднаго», много слышалъ о немъ, и этотъ дѣятель революціи его особенно интересовалъ. Онъ разыскиваетъ его въ Москвѣ, гдѣ жилъ тогда Савинковъ нелегально, въ строгой изоляціи, готовя возстаніе противъ большевиковъ. Много и долго говорить съ нимъ Масарикъ. И какъ разочарованъ! Впослѣдствіи онъ далъ характеристику Савинкова, — характеристику печальную: «Политически онъ неправильно судилъ о положеніи Россіи и недооцѣнивалъ силы большевиковъ; философски и морально — не дошелъ до пониманія глубокой разницы между революціей и личными террористическими актами. Онъ не понималъ также разницы между войной и революціей; не различалъ войну оборонительную отъ войны наступательной... Морально онъ не поднялся надъ примитивизмомъ кровавой мести. Позднѣйшее развитіе Савинкова показало его слабость; слабость террористическаго титана, ставшаго Гамлетомъ».

Мѣткость характеристики, показывающая глубокое знаніе людской психологіи...

Въ это же свое прѣбываніе въ Россіи Масарикъ съ огромнымъ и напряженнымъ вниманіемъ наблюдаетъ не только вождей политическихъ партій, и ихъ настроенія и типы. Онъ наблюдаетъ обстановку, поведеніе народныхъ массъ и — снова пишетъ пророческія слова о Россіи и ея судьбѣ. Покинувъ Россію въ мартѣ 1918 г., онъ отправляетъ 10-го апрѣля 1918 г. секретный Меморандумъ американскому президенту Вильсону. По просьбѣ Вильсона даетъ онъ въ этомъ меморандумѣ резюме своихъ наблюдений: «Монархическое движеніе въ Россіи слабо; союзники не смѣютъ его поддерживать. Кадеты и социалисты-революціонеры организуются противъ большевиковъ; я не ожидаю отъ этихъ партій значительнаго успѣха. Союзники ожидали, что у Алексѣева и Корнилова будетъ на Дону большой успѣхъ; я этому не вѣрилъ и отказался соединиться съ ними, хотя меня звали сами вожди. То же я могу сказать объ атаманѣ Семеновѣ и другихъ. Большевики удержать власть дольше, чѣмъ предполагали ихъ противники: они умрутъ, какъ и всѣ остальные партіи, отъ политическаго дилетантизма. — Проклятіе царизма въ томъ, что онъ не научилъ народъ работать и управлять... Всѣ малые народы, народы на Востокѣ — финны,

поляки, эстонцы, латыши, литовцы, чехи со словаками, румыны и т. д. — нуждаются въ сильной Россіи, иначе они будутъ вполнѣ въ рукахъ нѣмцевъ и австрійцевъ. Союзники должны поддержать во что бы то ни стало и всѣми средствами Россію».

О «проклятіи царизма», не только не научившаго народъ управленію и работѣ, но даже породившаго своего рода «гніеніе интеллигенціи и народа», Масарикъ пишетъ много и подробно. Побѣдившіе большевики меньше всего были подготовлены къ управленію: «они не были подготовлены къ позитивной, творческой революціи; ихъ хватаетъ только на революцію отрицательную. Она была отрицательна въ томъ смыслѣ, что при своей односторонности, узости и некультурности, они многосовсѣмъ излишне уничтожили. Я ихъ особенно обвиняю въ томъ, что они совсѣмъ по царски роскошествовали въ уничтоженіи жизни. Уровень варварства всюду проявляется въ томъ, въ какой степени люди умѣютъ распоряжаться жизнью своей и своихъ ближнихъ. Большевицкое уничтоженіе интеллигенціи могло бы найти предостерегающій примѣръ въ римскомъ Сѣверѣ и въ вырѣзаніи старыхъ римскихъ семей, особенно сенаторскихъ; онъ добился этимъ варваризаціи государства и управленія, но одновременно ускорилъ и паденіе Имперіи»...

Въ своемъ секретномъ меморандумѣ 1918 г. Масарикъ ставилъ задачу: созданіе сильной Россіи, какъ опоры малыхъ народовъ и какъ противовѣсъ австро-германской силѣ. А, вѣдь, еще болѣе настойчиво стоитъ эта историческая задача для насъ, русскихъ... Но созданіе сильной Россіи немислимо безъ духовно развитой, политически зрѣлой интеллигенціи. За 13 лѣтъ управленія большевизмъ политически зрѣлымъ не сталъ. И снова суровый укоръ бросаетъ русскимъ европеецъ Масарикъ: «Русскіе, какъ и большевики, являются дѣтьми царизма; въ теченіе столѣтій онъ ихъ воспитывалъ и выработывалъ. Они сумѣли устранить царя, но не устранили царизма. У нихъ царская форма, хотя они носятъ ее наизнанку, — вѣдь, русскій и сапоги носятъ наизнанку... Коммунистическій большевизмъ непогрѣшимъ и смахиваетъ на инквизицію, а потому у него нѣтъ ничего общаго съ наукой и философіей; наука, какъ и демократія, безъ свободы невозможны».

Невозможно, конечно, при большевистской инквизиціи и Аракеевскихъ поселеніяхъ и созданіе сильной Россіи.

Отсюда — вторая задача, вытекающая из первой: необходимо устранение режима инквизиции, чтобы создание свободной и сильной России стало фактом.

Но какими средствами должно быть достигнуто это устранение «режима инквизиции»?

Масарикъ хорошо понимает, что «большевизмъ означаетъ внутренній кризисъ Россіи — его нельзя лечить вмѣшательствомъ извнѣ». Остается единственное средство: духовное перерождение народа и въ особенности интеллигенціи. По мнѣнію Масарика это перерождение уже началось: «Большевизмъ пробудилъ чувство свободы; особенно-же возросло чувство собственной силы у крестьянъ. А всѣ получили урокъ о силѣ организациі; окрѣпло убѣжденіе въ необходимости работы и прилежанія».

Сейчасъ русская интеллигенція все еще находится въ депрессіи: поражение не окрыляетъ... Но нельзя также допустить, чтобы разбитость въ одной битвѣ навсегда закрывала сильнымъ людямъ путь къ побѣдѣ. Такъ, поражение чеховъ на Бѣлой горѣ въ 1620 г. не помѣшало имъ стать побѣдителями въ 1918 г. Быть можетъ, даже именно это поражение явилось сильнѣйшимъ толчкомъ для духовнаго преображенія побѣжденныхъ. И мы, русскіе, лишь въ этомъ духовномъ преображеніи народа и его интеллигенціи, глубококомъ преображеніи сердець и умовъ послѣ столь же глубокихъ и трагическихъ переживаній, черпаемъ свои надежды на лучшее будущее. И, радуясь побѣдѣ чешскаго народа, преклоняясь передъ духовной мощью и разумомъ вождя его, мы, русскіе интеллигенты, не перестаемъ твердить тѣ же слова, которыя окрыляли передъ битвой за свободу Масарика:

«Вѣрю и я, Госноди, что пронесется вихрь гнѣва Твоего и вернется къ Тебѣ, о народъ русскій, право и мощь твоя».

Такъ именно ощущаютъ будущее всѣ, вѣрящіе въ воскресеніе сильной своей духовной мощью Россіи. Невѣрующимъ мы напомнимъ прекрасныя слова русскаго поэта Гумилева, столь гармонирующія съ молитвой Масарика:

Не вѣрь, что неслышаннымъ горемъ

Россія до гла спалена:

То волны бушуютъ надъ моремъ,

Но дремлетъ его глубина.

Е. Д. Кускова.